

въ чудеса и всяческаго мистицизма. Навстрѣчу этой мысли шли и религіозныя исканія русскаго народа въ лицѣ его сектантовъ и настроенія, вызванныя картинами глубокаго разительнаго противорѣчія между официальной, государственной церковностью и евангельскимъ ученіемъ ¹⁾. Открывалась настоятельная необходимость сличенія официально признаннаго ученія съ его первоисточникомъ,—евангеліемъ.

Эту работу сличенія Толстой долженъ былъ продѣлать самъ,—цѣликомъ, всю, на своихъ могучихъ плечахъ. Громадныя физическія и духовныя силы давали ему вѣру въ себя. Мощная натура ставила Толстого непосредственно лицомъ къ лицу со всѣми задачами жизни. Его духовное „я“ было такъ громадно, что требовало установленія прямыхъ отношеній къ жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ—къ семьѣ, обществу, государству, религіи. Толстой долженъ былъ установить *свое* отношеніе къ Богу, долженъ былъ создать *свою* религію, *свое* пониманіе евангелія. Если бы Толстой былъ человѣкомъ западно-европейской культуры, эта работа была для него облегчена. Тамъ, на западѣ, изученіе и критика евангелія начались давно и со временъ Лютера получили право гражданства и широкое распространеніе въ условіяхъ полной религіозной свободы и терпимости. На западѣ, во многихъ странахъ, сравнительное изученіе религій вошло, какъ предметъ преподаванія, въ курсъ средней школы. А ужъ о богословской университетской наукѣ и говорить нечего. Достаточно вспомнить Фейербаха, Ренана, Штрауса и сотни другихъ ученыхъ изслѣдователей и комментаторовъ христіанства. Каждая строчка евангелія, каждый текстъ, каждый варіантъ изучены со всевозможной тщательностью. У насъ до послѣдняго времени воспрещались даже сочиненія Ренана; у насъ официальное толкованіе вопросовъ религіи и евангелія было монополіей господствующей религіи и тщательно и ревниво оберегалось отъ свободныхъ изслѣдованій. Всякое дерзновеніе каралось, какъ государственное преступленіе, какъ политическая неблагонадежность. Полиція стояла на стражѣ благочестія, точнаго и неуклоннаго усвоенія религіозныхъ истинъ въ направленіи „вѣдомства православнаго вѣроисповѣданія“. Это создавало лѣнивое бездѣйствіе официально-православной науки, мѣшало свободному изслѣдованію и частныхъ лицъ.

Вотъ почему первыя же попытки свободнаго толкованія евангелія со стороны Толстого и другихъ вызывали смятеніе, ужасъ, крики негодованія, злобы и самое дикое преслѣдованіе. Вся бѣда въ томъ, что наша свѣтская наука освободилась на много лѣтъ раньше, чѣмъ религіозная ученость. И такъ какъ эта послѣдняя была подъ строгимъ надзоромъ невѣжественныхъ фанатиковъ и изуверовъ, то интересъ къ ней не могъ развиваться и—въ результатъ—глубокое равнодушіе нашего общества къ вопросамъ религіознаго сознанія.

¹⁾ Ср. извѣстное письмо свящ. Григорія Петрова къ митрополиту Антонію.